

Електронна бібліотека видань історичного факультету Харківського університету

Посохов С. И. В. И. Астахов как историк Харьковского университета // Категориальный аппарат исторической науки. Харківський історіографічний збірник. Харків, НМЦ “СД”, 2000. – Вип. 4. – С. 64 – 69.

При використанні матеріалів статті обов'язковим є посилання на її автора з повним бібліографічним описом видання, у якому опубліковано статтю. Дана електронна копія статті може бути скопійована, роздрукована і передана будь-якій особі без обмежень права користування за обов'язкової наявності першої (даної) сторінки з повним бібліографічним описом статті. При повторному розміщенні статті у мережі Інтернет обов'язковим є посилання на сайт історичного факультету.

Адреса редакційної колегії:

Україна, 61077, Харків, пл. Свободи, 4,
Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна,
історичний факультет. **E-mail:** istfac@univer.kharkov.ua

©Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна; історичний факультет

©Автор статті

©Оригінал-макет та художнє оформлення – зазначене у бібліографічному описі видавництва

©Ідея та створення електронної бібліотеки – А. М. Домановський

В. И. АСТАХОВ КАК ИСТОРИК ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Виктор Иванович Астахов (1922–1972) прожил недолгую, но яркую жизнь. Щедро наделенная талантами личность В. И. Астахова привлекала к себе внимание окружающих. Достаточно было состояться лишь одной встречи с ним, и эта встреча оставалась в памяти навсегда. Но после него осталась не только добрая память, не только начинания, которые мы и сегодня стремимся продолжить в Харьковском университете. Остались написанные статьи и книги. Пришло время пристальнее рассмотреть в оставленное им творческое наследие.

Первые научные публикации В. И. Астахова появились еще в студенческие годы, а в 50-е годы он издал в соавторстве с Ю. Ю. Кондуфором три монографии, посвященные революционным событиям на Харьковщине в начале XX в. Его перу принадлежат десятки статей, глав и разделов в коллективных монографиях, энциклопедических изданиях. Он был научным редактором ряда книг и сборников документов [см. 1]. Наибольшую же известность В. И. Астахову принес один из первых учебников по историографии (в 1959 и 1962 годах были изданы две части курса лекций, которые в 1965 г., значительно доработанные и дополненные, вышли одной книгой [2]). Творческое наследие Виктора Ивановича довольно многогранно. В данной статье предлагается рассмотреть те работы, которые характеризуют В. И. Астахова как историка Харьковского университета.

Истории Харьковского университета посвящено два крупных исследования Виктора Ивановича. Это его кандидатская диссертация «Студенческое движение в Харьковском университете накануне и в период первой русской революции (1895–1907 гг.)» [3], а также

два раздела книги «Харьковский государственный университет им. А. М. Горького за 150 лет» [4].

Анализируя эти работы Астахова, задача виделась не в том, чтобы в позитивистском духе показать процесс механического приращения знаний, и не в том, чтобы отрицать оценки тех или иных явлений историографией 50-х годов.

Прошло почти полвека с момента выхода указанных работ и, естественно, за это время стали известны новые факты, а ряд оценок не выдержал проверку временем. Задача иная — обозначить вклад В. И. Астахова в изучение истории университетов Российской империи (в частности, студенческого движения), возможные пути развития тех выводов, которые стали общепринятыми (в том числе и благодаря усилиям В. И. Астахова).

Основное внимание уделим его кандидатской диссертации (научный руководитель — д-р ист. наук, проф. А. Г. Слюсарский). Выбор темы диссертации, по всей видимости, был обусловлен несколькими факторами. С 50-х годов в историографическую практику уже вошла традиция «приурочивания» исследований к юбилеям (в данном случае, к 50-летию первой революции в России и 150-летию Харьковского университета). Но, думается, не меньшее значение при этом имели интерес научного руководителя проф. А. Г. Слюсарского к истории Харьковщины и любовь Виктора Ивановича к университету.

К сожалению, диссертация В. И. Астахова осталась неопубликованной, а потому малоизвестной как современникам, так и исследователям последующих лет, которые работали вне пределов Харькова.

История студенческого движения в университетах Российской империи стала объектом изучения в конце XIX в. Известно, что министерство народного просвещения специально направило осенью 1878 г. А. И. Георгиевского в Германию для изучения опыта борьбы и пресечения «разрушительных» идей среди молодежи. Однако по возвращении из Германии Георгиевский решил обратить внимание прежде всего на факты российской действительности. В результате появилась книга «Краткий исторический очерк правительственных мер студенческих беспорядков» (СПб., 1890). Консервативно-монархические позиции автора определили поиск причин «зла» в ограниченности знаний студентов, их отчужденности от «христианского смирения и самоотвержения».

Активные действия студенчества не могли не заинтересовать представителей либеральных, оппозиционных самодержавию кругов. П. Н. Милюков, С. П. Мельгунов, Р. И. Выдрин начали анализировать требования студенчества на различных этапах его борьбы, использовать разнообразные источники (в т. ч. нелегальные студенческие издания). Уже тогда наблюдались разногласия в оценке студенческих выступлений. Одним эти выступления виделись изолированными от общественно-политической борьбы, движимыми лишь корпоративными интересами (С. П. Мельгунов). Другие называли студенчество «авангардом» всего освободительного движения в России, «невольными депутатами от всех слоев общества» (журнал «Освобождение» под редакцией П. Б. Струве). Третьи разделяли студентов на группы со своими интересами, соответственно выделяя «разночинцев» и «буржуазную» интеллигенцию (Р. И. Выдрин).

В советской историографии первоначально возобладал тезис М. Н. Покровского о том, что студенчество являлось «главным корпусом» левой интеллигенции», что по своим причинам, форме и в своих исходных требованиях студенческое движение 1905 г. не отличалось от движения 60–70-х годов XIX ст. Этот тезис, с одной стороны, противоречил ленинскому выводу о том, что «русская интеллигенция является именно буржуазной и мелкобуржуазной», с другой — был во многом умозрительным и не подкрепленным фактическим материалом [5, с. 8].

Процесс относительно свободных методологических исканий в рамках марксистских построений, период создания всякого рода логических схем в истории к середине 30-х годов XX ст. (формальным рубежом может выступать постановление о преподавании гражданской истории 1934 г.) сменился этапом конкретно-исторических исследований в весьма жестко очерченных методологических рамках.

Одной из первых таких работ стала книга В. И. Орлова «Студенческое движение Московского университета в XIX в.» (М., 1934). Впрочем, в ней еще много личных воспоминаний и необоснованных оценок. Качественно новые исследования по истории студенческого движения появятся лишь в начале 50-х годов. В частности, в 1951 г. в Ленинграде была издана работа П. С. Гусятникова «Революционное студенчество Петербурга накануне и в период революции 1905–1907 гг.».

Кандидатская диссертация В. И. Астахова если и не была первой, то, по крайней мере, одной из первых в ряду конкретно-исторических исследований, посвященных студенческому движению накануне и в период первой революции в России.

В 1954 г., уже после Виктора Ивановича, была защищена кандидатская диссертация О. И. Латышевой «Московский университет в революционной борьбе в период первой русской революции (1905–1907 гг.)» (М., 1954), в 1957 г. — диссертация Л. К. Эрингсон «Тартуский университет в период первой русской революции (1905–1907 гг.)» (Тарту, 1957), затем — М. И. Матвеевой «Студенты Томска в революционном движении накануне и в период первой русской революции» (Томск, 1962), И. С. Бережного «Студенческое движение на юге Украины в конце XIX — начале XX вв.» (К., 1964)* и т. д. Потребовалось около двадцати лет для того, чтобы в начале 70-х вышла работа П. С. Гусятникова «Революционное студенческое движение в России 1899–1907 гг.» (М., 1971), где обобщены данные указанных выше работ.

В сравнении со сходными по тематике исследованиями, диссертация В. И. Астахова отличается насыщенностью фактами (а им использован большой круг источников, в том числе основу составили документы ЦГИАЛ, а также ЦГИА СССР, ЦГИА УССР, Харьковского областного

* По сути, работа посвящена истории студенческого движения Новороссийского университета накануне и в период первой революции в России.

исторического архива, он первым начал изучение студенческих переписей Харьковского университета, часто цитирует нелегальные студенческие издания и т. д.). Для диссертации Астахова характерна яркость изложения (то, что отличало не только его научные работы, но и стиль преподавания). Достаточно лишь указать на описание им студенческой стачки 1 апреля 1899 г. [3, с. 103–108]. И у других исследователей студенческого движения **есть примеры** удачного цитирования, яркие эпизоды, но такой образности нет.

Диссертационную работу В. И. Астахова отличает стремление подчеркнуть специфику Харьковского университета: более реакционный состав профессуры и, наоборот, более демократический состав студенчества, чем в столичных университетах [3, с. 32], более высокий процент отсева студентов [3, с. 78] и т. д. Среди прочего причины этой специфики автору **виделись** в худших материальных условиях студенчества и в шовинистической русификаторской политике царского правительства [3, с. 32–34].

Работа В. И. Астахова на долгие годы определила понимание этапов и сути студенческого движения в Харьковском университете в конце XIX–XX вв. Насколько такой взгляд соответствует современному пониманию общественно-политических процессов указанного периода, какие позиции и положения требуют переосмысления?

Уже хронологические рамки диссертационной работы заставляют нас вспомнить этапы освободительного движения в России, предложенные В. И. Лениным в статье «Памяти Герцена». Как известно, 1895 годом традиционно в советской историографии начинается пролетарский этап освободительного движения. Стремление показать переход студенчества к новому этапу борьбы, изменения его характера пронизывает всю работу, несмотря на верное, с нашей точки зрения, замечание на одной из страниц диссертации о том, что «в общем и целом это было оппозиционное буржуазно-демократическое движение» [3, с. 52]. Схема, которая стала самодавящей в историографии социальных движений XIX–начала XX вв. в Российской империи, определила не только общую направленность, но и оценки отдельных событий.

Диссертационное исследование В. И. Астахова во многом характерно для советской историографии. Изучение исторических процессов через призму классовой борьбы, поиск социально-экономических оснований явлений стали обязательными атрибутами марксистского подхода к истории. Безусловно, именно благодаря использованию этих принципов открылось понимание исторического места многих событий и процессов. Логической стройностью отличается и диссертация Астахова. И все же «тотальность» такого подхода не могла не привести к тому, что логичность в ряде случаев вступала в противоречие с историзмом.

Поскольку данные чтения посвящены терминологическим проблемам исторической науки, остановлюсь на такого рода моментах. В со-

ветской историографии студенческого движения используются такие термины, как «демократическое студенчество», «мелкобуржуазная интеллигенция», «пролетарская часть студенчества», «студенты-представители «третьего элемента» или «буржуазной интеллигенции», «революционное студенчество», «реакционное студенчество», а также «радикальное», «консервативное», «передовое» студенчество. Нередко при этом различные понятия используются в сходных ситуациях, то есть выступают как синонимы. Насколько действительно близки понятия «оппозиционное», «революционное», «радикальное» студенчество? Или «консервативное» и «реакционное» студенчество? Можно ли говорить о студенчестве как о «мелкобуржуазной» или «буржуазной интеллигенции»? И что значит «демократическое студенчество»?

Возьмем последнее из приведенных понятий — «демократическое студенчество». Общеизвестно, и на это указывал В. И. Астахов, что в начале XX в. студенты-дворяне составляли в университетах Российской империи около половины всего студенчества (из них не менее трети принимали самое активное участие в студенческом движении). Относятся ли этих студентов-дворян к демократическому студенчеству? С одной стороны, вроде бы «да», если иметь в виду направленность их выступлений, с другой же, «нет», если ориентироваться на их социальное происхождение и социальное положение.

Казалось бы, достаточно зафиксировать общий характер движения (как уже приводилось: «оппозиционное буржуазно-демократическое движение»). В этом случае становятся понятными «академические» требования студенчества как требования общедемократические (свободный доступ в университеты вне зависимости от национальности, пола, вероисповедания, свобода собраний, свобода преподавания и т. п.). Эти требования, по сути, означали отрицание чиновно-бюрократического монархического строя, а не только зарегламентированного устройства университетов. В силу этого, независимо от масштабов, студенческое движение второй половины XIX—начала XX вв. было оппозиционным, демократическим движением. Однако этого вывода было недостаточно. В советской историографии стал обязательным поиск социальной природы движения, который подразумевал соотнесение его с определенными классами общества. В этом отношении интеллигенция, а тем более студенчество, были сложны для подобного рода процедуры. Незаработанность проблемы «классового сознания» (общественного сознания как такового) приводила к однобоким и неоправданным построениям типа «студенчество — представители буржуазной (вариант: мелкобуржуазной) интеллигенции». В свою очередь, это приводило к тому, что изменения в характере студенческого движения непременно связывали с влиянием извне, в частности, с «могучим подъемом рабочего движения». Таким образом, студенчество не виделось самостоятельной социальной

силой. Хотя уже на примере харьковских событий непонятно, каким образом мощная студенческая стачка апреля 1899 г. (в рамках всероссийской стачки студентов), могла предшествовать многотысячной митинге 1900 г. и всероссийской стачке рабочих на юге Российской империи в 1903 г.

В силу сказанного, на наш взгляд, очевидно, что, говоря о студенческом движении, необходимо ставить проблему роли интеллигенции как таковой в оппозиционном движении Российской империи конца XIX — начала XX вв. К сожалению, в советской историографии студенческое движение оказалось оторванным от либерального и национально-освободительного движения. А ведь известно, что кадеты победили при выборах в I Думу (по Харькову их победа была еще более внушительной), среди кадетов было немало университетской профессуры (достаточно вспомнить Н. А. Гредескула!). Но студенчество в исторической литературе оказалось изолированным от либеральной интеллигенции, от университетской профессуры. Эти и другие вопросы остаются по-прежнему актуальными, несмотря на то, что в 1987 г. вышла фундаментальная работа Г. И. Щетининой «Студенчество и революционное движение в России. Последняя четверть XIX в.».

Возвращаясь к творчеству В. И. Астахова, следует сказать, что, вне всякого сомнения, его труды были не напрасны. И сегодня его кандидатская диссертация — единственная основательная работа по истории студенчества Харьковского университета конца XIX — начала XX вв. Хотя, безусловно, время, прошедшее с тех пор, высветило проблемы в изучении темы и противоречия, имеющиеся в выводах, а формирующаяся на наших глазах новая научная парадигма заставляет продолжить начатое В. И. Астаховым дело на новых методологических основаниях.

Литература

1. Виктор Иванович Астахов — профессор Харьковского университета: Биобиблиографический указатель. — Харьков, 1991.
2. Астахов В. И. Курс лекций по русской историографии: В 3 ч. — Харьков, 1959—1965.
3. Астахов В. И. Студенческое движение в Харьковском университете накануне и в период первой русской революции (1895—1907 гг.). — Дис... канд. ист. наук. — Харьков, 1953.
4. Харьковский государственный университет им. А. М. Горького за 150 лет. — Харьков, 1955.
5. Щетинина Г. И. Студенчество и революционное движение в России. Последняя четверть XIX в. — М., 1987.